

Глава 2. Небывалый отбор

Тридцатый год девиза правления Кайюань в государстве Чжуцзуэ.

Во дворце Чжучи самому юному принцу, Лин Цзюмо, стал являться один и тот же странный, тревожный сон. Он видел багровое, словно сочащееся кровью небо, заброшенную, унылую деревушку, чахлую сорную траву у обочины и петляющую тропу, затерянную в завываниях яростного ветра. И над всем этим великолепием увядания — одинокое, огромное, кроваво-красное солнце, медленно тонущее в закате.

А посреди безмолвия — одинокий силуэт человека, чьего лица никак не удавалось разглядеть. Тот сидел на широком сизом валуне, молча созерцая угасающее светило. Подле него, у корней старого дерева, примостились белая лиса и дикие кролики. Порой человек склонял голову, будто ведя с ними неспешную тихую беседу, однако ни единого звука до Цзюмо не долетало.

Лин Цзюмо ждал в своём видении целую вечность, но таинственный незнакомец так и не пожелал обернуться.

Шли дни, тянулись месяцы, пролетали годы... Минуло три года. С пятнадцати лет юный принц потерял покой. Каждую ночь его мучила жестокая бессонница. Его Величество Император созывал лучших лекарей и знахарей со всей страны, но всё впустую. Наконец один бродячий чародей подал прошение, высказав дерзкую мысль: дескать, Его Высочество вошел в пору юношеского созревания, кровь его бурлит, а тоска — не что иное, как томление плоти по ласке.

Стоило сановникам прослышать об этом, как столица пришла в движение. Из всех четырех пределов империи хлынули караваны с первейшими красавицами. Столичные улицы бурлили, а во дворце Чжучи запестрели наряды сотен прекрасных дев, соперничавших друг с другом в изяществе.

Однако сколько бы красавиц ни сжимал в объятиях девятый принц, образ из сна не желал таять. От этого его нрав портился не по дням, а по часам, а сам он становился все более несносным и заносчивым.

Его капризы менялись быстрее, чем погода в горах. Непредсказуемый, вспыльчивый, скорый на расправу и деспотичный, Цзюмо держал в страхе всю прислугу. Однако Его Величество Император по неведомой причине лишь пуще прежнего баловал любимого сына, сквозь пальцы глядя на любые его безумства.

Придворные мужи трепетали от страха. Каждый из них втайне молился, чтобы этот взбалмошный юнец никогда не взошел на престол, иначе плахи на площади перед дворцом не пустовали бы ни дня.

Тридцать третий год девиза правления Кайюань.

Опасения чиновников и пересуды черни наконец обратились явью. Император выпустил указ, немедленно разлетевшийся по всей стране: ради умиротворения его любимого девятого сына объявлялся всеобщий отбор на роль супруга или супруги Его Высочества. Отныне каждый подданный, достигший шестнадцати лет, ростом около пяти чи и трех цуней, отличающийся худощавым телосложением, обязан явиться на смотрины. И — о чудо! — пол кандидата значения не имел.

Но пуще всего честной люд поразило имя главного управителя этого балагана. Им стал не кто иной, как великий наставник Чжао Бучжи — самый завидный, но безупречно холодный и строгий муж государства Чжуцзэ.

В тот год не было события, которое вызвало бы больший переполох и заставило бы людей столь ошарашенно разинуть рты.

Буквально за одну ночь столицу захлестнула мода на мужеложество. Посреди бела дня по улицам расхаживали толпы разодетых щеголей, в которых с ходу и не признаешь мужчину. А виновник всей этой кутерьмы в то самое время пребывал в глубочайшем унынии, развалившись на роскошном ложе в зале Опьяненных Небожителей во дворце Чжучи.

По обе стороны от него застыли юноша и дева в невесомых полупрозрачных шелках — оба статные, точеные, истинные эталоны неземной красоты. Сам же принц лениво полулежал посреди расшитых золотом подушек, расхристанный и небрежный. Его иссиня-черные волосы были высоко собраны и скреплены короной из фиолетового нефрита. Точеное лицо с идеальной переносицей казалось безмятежным, он прикрыл прищуренные фениксовые очи длинными ресницами. Одну ногу он бесстыдно свесил с края постели, выставив напоказ идеально белую, ухоженную ступню.

В палатах царило гробовое молчание. У подножия ложа на коленях стояли гвардейцы, обливаясь холодным потом от страха перед непредсказуемым гневом хозяина.

«Какая изысканная, порочная картина!» — так и ахнул про себя застывший у дверей молодой евнух в синих одеждах. В то время как стражники томились в невыносимом ожидании суровой кары, этот малый умудрялся пускать слюни на праздное великолепие принца.

Этого незадачливого слугу звали Суйфэн, и сообразительностью он явно не отличался. Полагая, что буря его не затронет, он битых пять минут разглядывал расшитые сапоги Его Высочества у края кровати. И лишь на четвертый круг его ленивого созерцания до парня дошло: Лин Цзюмо смотрел на него ледяным, изучающим взглядом.

Пропал! Дело дрянь!

Ноги Суйфэна мгновенно подкосились, и он с глухим стуком рухнул на колени.

— Ваше Высочество, — пробормотал он дрожащим голосом, — дело это тонкое, спешкой тут не поможешь. Вот бывало, ищет ваш ничтожный слуга ножницы, с ног сбивается, а найти не может. А как плюнет да забудет — они тут как тут, сами под руку лезут...

— И зачем тебе сдались ножницы? — раздраженно оборвал его Лин Цзюмо. Голос его прозвучал резко и звонко, в нем звенела неприкрытая угроза.

— Слуга... — Бедняга вдруг вспомнил строжайший запрет на хранение личного холодного оружия и любых острых предметов во дворце. Перепугавшись до смерти, он забился лбом о каменные плиты: — Слуга имел в виду... дома! До того как во дворец попасть! Дома вечно эти ножницы пропадали...

— Я спрашиваю, какого черта ты искал ножницы? — вновь перебил его принц, и в его голосе зазвучали ледяные нотки.

— Я... ножницы... ну это... — Суйфэн заикался, тщетно пытаясь выдумать хоть сколь-нибудь правдоподобную ложь. Мысли в его голове окончательно превратились в кашу, и бедолага лишь беззвучно глотал воздух, бледнея на глазах.

— Твоя семья... бедно жила? — внезапно спросил Лин Цзюмо, и тон его неожиданно смягчился.

— Ох, Ваше Высочество, беднее некуда, ветер в карманах гулял! — зачастил евнух, почувствовав лазейку. — То есть... нет у меня больше семьи. Как переступил порог дворца, так и считаю его своим единственным домом...

— Иди к казначею, получи пятьдесят ланей серебра и проваливай с моих глаз! Пошел вон! — Принц яростно округлил фениксовые глаза.

Суйфэн кубарем вылетел из зала Опьяненных Небожителей. Спешно улепетывая по коридору, он недоуменно чесал затылок: «И чего это Его Высочество так странно косился на мою ширинку, когда я про ножницы заикнулся?..»

Тем временем Лин Цзюмо без лишних церемоний пинками спихнул с постели нежившихся рядом юношу и девушку. Поймав на себе ошарашенные взгляды слуг, он сообразил, что ведет себя совсем не по-королевски. Но приличие уже полетело к чертям, и принц сорвался на оглушительный рев:

— Вон! Все пошли вон отсюда! Даю вам еще полмесяца, бездельники!

Испуганная стража гурьбой бросилась к выходу, но у самых дверей командиру в лицо прилетел туго свернутый свиток.

— Это портрет, который я самолично набросал для вас, безмозглые твари! — не унимался

Цзюмо. — Если через две недели этот человек не будет стоять передо мной, можете живыми назад не возвращаться!

Прижав свиток к груди, гвардейцы припустили со всех ног. Вдогонку им раздался еще один яростный вопль Его Высочества, обращенный к застывшим у постели наложникам:

— А вы чего встали, шушера паршивая?! Живо с глаз моих!

Красавца и красавицу как ветром сдуло — придерживая спадающие шелка, они испуганными ланями выскочили в коридор под удивленные вздохи служанок.

В тишине опустевших покоев раздался лишь глухой, полный досады вздох принца:

— Проклятье... Опять перед дворцовой челядью опозорился.

Дворец Вэньюнь

— Ваше Величество, до меня дошли слухи, что сегодня наш Цзю-эр снова метал громы и молнии из-за этого отбора, — раздался нежный, чарующий голос. — Мальчишка совсем отбился от рук. Почему вы не приструните его?

Императрица Вэнь Цайэр укоризненно взглянула на супруга, и в ее полуприкрытых глазах заплясали лукавые искры. Лицо ее казалось бледным, болезненным, но пленительный, глубокий взор заставлял забыть обо всем на свете.

Глядя на нее, невозможно было угадать, сколько ей лет. словно изысканное старое вино, зрелая красота этой женщины с годами лишь крепла, обретая поистине царственное величие.

Лин Сичу, увлеченно трудившийся над картиной, отложил кисть. Посмотрев на супругу с бесконечной нежностью, он мягко произнес:

— Цайэр, мальчик вырастет, в его крови заиграла страсть. Разве плохо, что он жаждет отыскать ту единственную? К тому же речь идет лишь о призраке из сновидений. Где сыщешь такого наяву? Он уже взрослый, пусть тешится.

— Но его сумасбродство переходит все границы... — Вэнь Цайэр покачала головой, в ее голосе зазвучала глубокая тревога. — Устроить смотрины без разбора пола — и ладно он глуп, но вы-то куда смотрите? Зачем потакаете его причудам? Знали бы вы, сколько писем мне пришлось разобрать! Мои родичи из клана Вэнь за утро прислали тринадцать портретов кандидатов!

Она сделала знак служанке, и та поднесла увесистую стопку свитков. Раскатав один из них на широком столе, императрица ткнула пальцем в шелковую бумагу:

— Брат уверяет, что эти художества передали наши тетушки и невестки. Полюбуйтесь-ка на эту «красавицу».

С тонкого шелка на императорскую чету глядела прелестная дева с искусно уложенными волосами. Наклонив голову, она нежно касалась бутона цветка, а ее щеки заливал густой румянец невинного смущения.

— О, а девица весьма недурна собой! — искренне восхитился владыка государства Чжуцзуэ, подавшись вперед.

— Ваше Величество... — измученно вздохнула Вэнь Цайэр, закатив глаза. — Это Ян Шэн, сын старшего брата моей второй невестки!

— Кха!.. — Император, как раз собиравшийся сделать глоток чая, поперхнулся и истошно закашлялся. Жена поспешно застучала ладонью по его спине, помогая перевести дух.

— Это... отпрыск министра Яна? — выдавил наконец пораженный правитель, округлив глаза от изумления. — Тот самый сорванец Ян Шэн, которого я в детстве чуть было не назвал своим названным сыном?!

Вэнь Цайэр лишь скорбно кивнула. Лин Сичу вновь склонился над свитком, вглядываясь в изящные черты нарисованного лица:

— Да как же... как его угораздило докатиться до жизни такой?

Супруги погрузились в глубокое, тягостное молчание. Наконец императрица принялась один за другим разворачивать оставшиеся свитки. С каждым новым портретом Лин Сичу всё больше удивлялся, принимая самое причудливое выражение лица.

— А этот... почему он кокетливо оттопырил мизинец?! Что за срам! — Его Величество едва не лишился дара речи. — погоди, это кто? Наследник генерала Ли?! Да быть не может! Если потомки доблестных воинов и защитников рубежей превращаются в изнеженных девиц, кто будет оберегать границы Чжуцзуэ?! Наш Цзю-эр... он совсем рассудок потерял!

Вэнь Цайэр с замиранием сердца следила за бурей чувств на лице мужа. Ей отчаянно хотелось, чтобы император одним росчерком пера прекратил это безумие, но в то же время она опасалась, как бы гнев повелителя не обрушился на их непутевого сына слишком сурово.

— Что ж, — Лин Сичу прикрыл глаза, собираясь с мыслями, — я издам указ. Если через полмесяца Цзю-эр так и не найдет своего призрака, смотрины будут немедленно прекращены,

а этот балаган — закрыт раз и навсегда.

Императрица удивленно вскинула брови. Раз уж супруг решился вмешаться, к чему эта отсрочка в две недели? Зачем давать юнцу еще время?

Лин Сичу хитро прищурился и мягко рассмеялся:

— Сказать по правде, мне и самому до смерти любопытно взглянуть, кого же в итоге выберет наш несносный мальчишка!

Глядя на его заговорщическую улыбку, Вэнь Цайэр почувствовала, как по спине пробежал неприятный холодок. Внезапный приступ слабости сдавил грудь, к горлу подступил удушливый жар, и в глазах у нее потемнело. Лин Сичу тут же подхватил покачнувшуюся супругу под локоть, заботливо усаживая на кушетку.

— Твоя давняя хворь пускает все более глубокие корни, — с искренней тревогой проговорил он, всматриваясь в ее бледное лицо. — Быть может, стоит призвать во дворец господина Дунфана? Пусть осмотрит тебя.

В глубине глаз императрицы на мгновение промелькнула тень застарелой, невыносимой боли, но она тут же натянула на лицо безмятежную улыбку:

— Не стоит беспокоиться, дорогой супруг. Мне нужно лишь немного передохнуть. Не нужно отвлекать господина Дунфана по таким пустякам.

Император нежно погладил ее шелковистые черные волосы, однако его мысли уже вернулись к грядущему веселью. В глазах правителя вновь вспыхнул озорной огонек:

— Представляю, какой знатный погром устроит Цзю-эр, когда увидит портреты этих «красавцев»!

Вэнь Цайэр лишь безмолвно молилась в душе:

«Сын мой... умоляю, пощади материнское сердце, не натвори глупостей!»

<http://bllate.org/book/20483/2116351>